

А.В. Лукин

Китай от древности к современности и обратно: Сергей Гончаров как глыба российского китаеведения. К 70-летию

Аннотация. В статье рассматривается творческий путь и основные концепции, сформулированные известным российским китаеведом, дипломатом и общественным деятелем С.Н. Гончаровым. Дана оценка его научных трудов и выдвинутых в них положений, их влияние на развитие китаеведения в СССР и России, а также их связь с другими отраслями общественных наук. Оценивается также вклад С.Н. Гончарова в практическое развитие и укрепление отношений между Москвой и Пекином как в позднесоветский период, так и после распада СССР, в том числе в разработку договора 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Делается вывод о большом значении трудов и практической работы С.Н. Гончарова как для китаеведения, так и для российской политики в отношении Китая.

Ключевые слова: китаеведение, С.Н. Гончаров, история, дипломатия, российско-китайские отношения.

Автор: Лукин Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

А·V·卢金

中国从古代到现代，再从现代到古代：祝贺俄罗斯汉学巨擘谢尔盖·贡恰罗夫七十寿辰

摘要: 本文探讨了俄罗斯著名汉学家、外交家和社会活动家 S·N·贡恰罗夫的创作历程及其主要理念，评价了他的学术著作及其在著作中提出的论点、这些著作对苏联和俄罗斯汉学发展的影响以及与其他社会科学分支的联系。本文还评估了 S·N·贡恰罗夫在苏联后期和苏联解体后对俄中关系的实际发展和加强所做出的贡献，其中包括对 2001 年《中俄睦邻友好合作条约》的制订。本文做出结论，认为 S·N·贡恰罗夫的著作和实践工作对汉学和俄罗斯对华政策具有重大意义。

关键词: 汉学；S·N·贡恰罗夫；历史；外交；俄中关系

作者: 亚历山大·弗拉基米罗维奇·卢金，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术主任。

Alexander V. Lukin

**China from Antiquity to the Present—and Back Again:
Sergei Goncharov as a Pillar of Russian Sinology.
On the Occasion of His 70th Birthday**

Abstract. The article explores the intellectual trajectory and key conceptual contributions formulated by the prominent Russian sinologist, diplomat and public figure S.N. Goncharov. It offers an assessment of his scholarly works and the central theses he advanced, analyzing their impact on the development of Sinology in the USSR and Russia, as well as their intersections with other branches of the social sciences. The article also evaluates Goncharov's practical role in fostering and institutionalizing relations between Moscow and Beijing during the late Soviet era and after the dissolution of the USSR, including his involvement in the drafting of the 2001 Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation. The article concludes that S. N. Goncharov's academic output and practical efforts have been of considerable significance both for the field of Sinology and for the formulation of Russian policy toward China.

Keywords: China studies, S.N. Goncharov, history, diplomacy, Russia-China relations.

Author: *Alexander V. Lukin* (Head), Dr.Sc. (History), Professor, Academic Head, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS); Head of Department of International Relations of HSE University, Leading Research Fellow, Institute for International Studies of MGIMO University. ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

À nous deux maintenant!
Honoré de Balzac

8 мая 2025 г. исполнилось 70 лет моему старшему товарищу, глыбе и матерому человечешу (выражение, весь смысл которого вряд ли будет понятен молодым читателям) российского китаеведения Сергею Николаевичу Гончарову. В связи с этим славным юбилеем я позволил себе посвятить несколько страниц значению самого факта существования этого человека и его многогранной деятельности для нашей отрасли знания, для некоторых подходов к изучению общества в целом, а также его влиянию на меня самого и мои взгляды.

С.Н. Гончаров — один из немногих людей, на идеи и выводы которого я постоянно ссылаюсь в своих лекциях, в основном соглашаясь с ними, хотя и не всегда. Так как эти идеи и выводы относятся к разным периодам китайской истории, разным направлениям мысли и даже не только к Китаю, но и другим странам, то я разделяю эти заметки по темам его творчества, которые сыграли для меня значительную роль.

Традиционная китайская доктрина отношений с внешним миром как идеология

Впервые я увидел Сергея Гончарова еще студентом, должно быть, на одной из конференций «Общество и государство в Китае», которые ежегодно проводил Отдел Китая Института востоковедения АН СССР, и на которые я ходил с последних лет своей учебы в МГИМО, то есть с начала 80-х годов прошлого века. В то время эти конференции были, безусловно, главным китаеведческим событием в стране, на них собирались китаисты со всего СССР, а также из некоторых других стран мира. Да и не только китаисты. Интересовались Китаем тогда многие, так как разговор о «неправильном» китайском коммунизме давал возможность говорить о социализме и коммунизме в целом и тем самым, конечно, без прямых ссылок, рассуждать как бы и о самом СССР.

Меня все эти темы по молодости весьма волновали, поэтому я с интересом слушал дискуссии и даже острые споры того времени. Начало 80-х для советского китаеведения было крайне интересным временем. Именно тогда в дискуссии с китаеведами старшего поколения начали вступать более молодые коллеги. Если «старики», как правило, были хорошо знакомы с реальным Китаем, часто бывали там в годы дружбы, прекрасно владели китайскими источниками и литературой, то молодые не имели возможности ездить в ныне враждебный маоистский Китай, но часто лучше знали основные школы и проблематику мирового китаеведения. Лидерами «молодых», которые впоследствии стали лидерами российского китаеведения, были В.В. Малявин, А.И. Кобзев, А.И. Торчинов и, конечно, С.Н. Гончаров. Дискуссии эти охватывали как самые основы китайской цивилизации и мысли [Лукин, 2024, с. 732–735], так и вытекающие из них некоторые более узкие проблемы.

Одной из таких проблем была трактовка традиционной китайской доктрины отношений с соседями. Старшие товарищи подробно изучили и описали классическую китайскую теорию отношений с внешним миром — концепцию «Китай-варвары», ее теоретическую основу, тесно связанную с общими китайскими представлениями о мироздании, разобрали ее действия на некоторых конкретных примерах. Важную роль в этой деятельности сыграли работы Л.И. Думана, А.С. Мартынова, Ю.Л. Кроля, А.А. Бокщина и других. В вышедшей в 1975 г. книге выдающегося ленинградского китаеведа и тибетолога А.С. Мартынова эта концепция подробнейшим образом рассматривалась как в общем плане, так и на примере отношений цинского Китая с Тибетом [Мартынов, 1975]. А.С. Мартынов развивал общее направление, согласно которому «мироустроительная» китайская доктрина, не признававшая возможность равенства с другими народами и государствами и не дававшая возможность заключения равноправных договоров, господствовала в Китае на протяжении всей истории империи и редкие отклонения от нее были временными и вынужденными исключениями.

С.Н. Гончаров, который был более чем на 20 лет моложе Мартынова, решил проверить эту теорию на другом примере, и избрал темой своей кандидатской диссертации отношения между китайской династией Сун и чжурчжэньским государством Цзинь в XII в., когда по Шаосинскому договору 1142 г. Сун признала зависимость от Цзинь. В ходе работы он вступил в полемику с Мартыновым, утверждая, что его выводы были сделаны на примере отношений со слабым Тибетом, а в случае возникновения сильного соперника китайская доктрина могла меняться.

Я, конечно, ни тогда, ни сейчас не обладал и не обладаю достаточными познаниями, чтобы делать вывод о том, кто был прав в этой полемике. Да и не об этом сейчас речь. Тогда с неподдельным интересом я следил за самым ходом и эстетикой этой борьбы. На каждой ежегодной конференции «взрослые» китаеведы по несколько раз выходили на трибуну и излагали свои выводы, и каждый раз «молодые» шли за ними и бесстрашно вступали в спор, основываясь при этом на не менее глубоких знаниях и анализе. Кроме того, иногда они еще и спорили между собой. Это была живая научная дискуссия, касавшаяся самых глубинных вопросов общественнознания, причем без всякого упоминания набившего оскомину примитивного марксизма, который преподавали тогда в школах и вузах. В СССР было совсем не много мест, где подобную дискуссию можно было услышать.

Помню, как на кафедру (на сцене зала заседаний Института востоковедения на третьем этаже стояла именно деревянная кафедра) несколько раз подряд поднимался почтенный, специально приехавший из Ленинграда Мартынов и возражал Гончарову, а Гончаров каждый раз шел туда же и отвечал не менее убедительно. При этом Сергей Николаевич из всех «молодых» поражал какой-то особой природной мощью и страстью. Тогда я мало что о нем знал, но теперь я думаю, что, возможно, это связано с его происхождением. Тогда он работал в Москве, в Институте Дальнего Востока АН СССР (ныне Институт Китая и современной Азии РАН), и было известно, что туда он перешел, закончив востфак ЛГУ. Однако потом оказалось, что, в отличие от большинства других своих коллег по «группе молодых», он не был порождением одной из двух столиц, а родился в Днепропетровске, первые годы учился в Новосибирске, да еще и два года отслужил в армии сержантом. Все это вместо столичного лоска дало ему какой-то напор и одновременно непосредственность, даже некоторую наивность. Наивность эта заключалась в искренней вере в то, что для того, чтобы переубедить сложившегося ученого, достаточно ему все подробно объяснить, изложить свои аргументы, и он сразу же с тобой согласится, потому что деваться-то от правды ему будет некуда. И он все выходил и выходил на трибуну, все объяснял и объяснял, а седовластый оппонент все не сдавался и только больше дивился такому напору.

Если говорить о содержании, то в ту пору изложение китайской «даннической теории» неравноправных отношений с соседями навело на мысли о советской доктрине «ограниченного суверенитета» «социалистических государств» Восточной Европы Л.И. Брежнева, которой никогда не существовало на бумаге, но о практической реализации которой тогда много говорили по «вражеским голосам». Сегодня же я думаю о другом — о том, как блестяще в своей книге, написанной на основе диссертации, Сергей Николаевич разобрал процесс встречи идеологической догмы с противоречащей ей реальностью и ее результаты [Гончаров, 1986].

Как сказали бы сейчас, исследование Гончарова было классическим «кейс-стади», то есть тестированием существующей научной гипотезы на конкретном материале. Гипотез—существовало две: менялась или не менялась китайская классическая доктрина, сталкиваясь с противоречащей ей реальностью. И автор пришел к выводу, что в данном случае она менялась довольно существенно, хотя и медленно и с большим трудом. Шел он к этому выводу последовательно, изучив огромное количество источников на древнекитайском языке и всю существовавшую к тому времени литературу на самых различных языках. Для того, чтобы не оставалось никакого впечатления недоработанности и места для досужих разговоров на общие темы, для исследования был взят небольшой временной период с 1127 по 1142 г., то есть всего пятнадцать лет подготовки Шаосинского договора между империей Сун (Южная Сун) и теснившим ее чжурчжэньским государством Цзинь. В результате Сергей Николаевич фактически «закрыв тему». Вряд ли кто-то может найти достаточно какого-то нового материала, чтобы каким-то образом изменить или опровергнуть основные выводы, сделанные в его исследовании. Одним словом, диссертация и книга Гончарова — образец конкретного исторического исследования, структуру и методологию которого можно рекомендовать любому начинающему историку, да и вообще обществу. Но важно и то, что именно такие конкретные исследования могут дать солидный материал для более общих размышлений. Обратный путь — от общих размышлений к стремлению проиллюстрировать их на частном примере — часто ведет к вольному или невольному искажению, так как очень хочется доказать именно то, о чем говорит уже воспринятая теория.

В книге автор четко и последовательно формулирует вывод о том, что сунские теоретики пошли на изменение внешней доктрины, не меняя внутреннюю и даже укрепляя последнюю:

«Мы могли убедиться, с каким большим трудом, сколь болезненно и противоречиво внедрялось в сознание сунских политиков представление о том, что чжурчжэньская держава является качественно равным им партнером, отношения с которым можно уладить, лишь признав реальный факт своей слабости, невозможности для себя «смыть позор и отвоевать утраченные земли». Суровая действительность, потребность в выживании и стабилизации внутреннего положения в конце концов заставили правителей китайской империи смириться с этими представлениями, принять их. С этим, как мы могли убедиться, было связано практически полное вытеснение доктрины “мироустройства” из сферы внешней политики и дипломатии, где ее заменил сугубо прагматический подход. Вместе с тем сунские деятели сделали все возможное для того, чтобы сохранить доктрину “мироустройства”, идеологически оформляющую существование китайского земледельческого общества для сферы внутренней политики. С этой целью китайские деятели предпринимали все возможные шаги во имя сохранения в неприкосновенности императорского ритуала, являвшегося основой и конкретным выражением доктрины “мироустройства”» [Там же, с. 259].

Эти выводы, прежде всего, имеют непосредственное значение для рассматриваемой проблемы и периода. Но они навевают и более общие размышления. Относи-

тельно китайской истории в целом сам автор говорит о том, что «прагматическая» тенденция того времени существовала и могла развиваться и в принципе быть развита и использована, однако последующие исторические обстоятельства, а именно укрепление китайской государственности и долгое отсутствие сильных соседей, способствовали укреплению внешней мироустроительной концепции. Вновь видоизменяться она начала только намного позднее, когда Цинская империя столкнулась с экспансией западных держав. Выводы же о непрямом соотношении внешне- и внутривнутриполитической доктрин, о том, что вынужденные уступки в сторону большей умеренности в первой могут вести не к смягчению, а даже к еще большему ужесточению второй, которое необходимо власти как бы для баланса и сохранения собственного контроля внутри страны, могут быть релевантны для самых различных эпох и ситуаций, в том числе и для современности.

Примерно в то время я собирался писать диплом про историческое восприятие Японии в Китае. Занимаясь введением, я узнал обо всей этой проблематике первоначально из классической книги под редакцией Дж.Фэрбэнка, изданной еще в 1968 г., поэтому дискуссия о «даннической системе» вызывала у меня особенный интерес. Все высказываемые позиции я примерял к Японии, которая в средние века была данником Китая, и затем использовал их. Было интересно понять, как китайская доктрина, согласно которой Китай является центром мира, воспринималась и перерабатывалась в другой стране, а затем — как в китайских представлениях Япония из варварской страны превратилась в представлениях некоторых китайских националистов и даже коммунистов в образец для подражания [Лукин, 1986, с. 169–175; Deng, 1986, р. 7–14].

В более общем плане книга навевала различные мысли и об идеологии вообще. Тогда я интересовался неофициальными советскими подходами к идеологии, с одной стороны, вышедшими из ее анализа К. Марксом, а с другой — критиковавшими сам марксизм как один из ярких примеров идеологии. С мыслями по этому поводу тех, кто выступил с этими подходами — прежде всего, А.А. Зиновьева и М.К. Мамардашвили — я был знаком по разным источникам: первого читал в самиздате, лекции второго слушал в разных местах. Идеологию они рассматривали как сумму языковых утверждений, предназначенную для управления обществом в интересах правящей группы, которые навязываются ему посредством аппарата подавления, в результате чего общество вынуждено их принимать. При этом вера в постулируемые идеологией принципы или их понимание не требуются. Они могут присутствовать, но не являются характерными ее чертами. Такой чертой является именно «принятие», обусловленное как силовым навязыванием, так и открывающимися перспективами социального роста [Зиновьев, 1979, с. 25–33; Мамардашвили, 2014, с. 59–63].

Несмотря на многочисленные отличия, связанные с тем, что чистая идеология в политологии обычно считалась атрибутом современного массового общества, все это во многом напоминало официальную китайскую доктрину, которая по сути была светской, хотя и имела некоторую связь с высшим миром Неба. Ее принятие и изучение как самими китайцами, дававшие возможность занимать высокие должности, так и «варварами», стремившимися получить поддержку китайской империи, казались характерными чертами именно идеологии, в отличие от науки или религии.

Все эти мысли роились у меня в голове, когда мне посчастливилось познакомиться с Сергеем Николаевичем лично. Его я обнаружил среди десяти стажеров, направленных в 1984 г. в Пекинский университет советским министерством образования в рамках недавно подписанной программы обменов. Наша группа была второй после долгого перерыва, всего в ней было 70 человек, распределенных по разным вузам Китая. Жили мы в студенческой общаге, в комнатах на два человека, фактически без отопления, с общим туалетом и горячей водой в душевой на этаже, которую включали всего два раза в день. Одним словом, обстановка сплывала. Гончаров стал неформальным научным лидером нашего коллектива, за что был прозван «*боши*», то есть обладателем ученой степени доктора. Прозвище это он получил не только за ученый вид, но и за способность читать вслух древние надписи в разных китайских храмах и даже длинные тексты на каменных стелах, чем поражал проходивших мимо китайских граждан, которые сами ничего не понимали и удивлялись великой учености «заморского черта». Исследование его еще тогда не было опубликовано, время стажировки он, очевидно, использовал, чтобы превратить диссертацию в книгу или на какие-то другие благородные дела. Но тогда я о них немного знал, так как в основном потратил стажировку на путешествия, которые потом описал в книге, написанной с коллегой-стажером А.Д. Дикаревым [Дикарев, Лукин, 1989].

Вспомнил я о его исследованиях несколько позже. Выше я говорил лишь об одном направлении размышлений, навеянном в том числе и спорами С.Н. Гончарова с его оппонентами. Оно естественно для людей, живших в обществе, в котором господствовала официальная марксистская идеология. Другое, более общее направление возникло у меня лишь когда я лучше познакомился с немарксистскими социологией и политологией в аспирантуре Оксфордского университета, то есть в начале 90-х годов. Оно касается уступок, которые вынуждены делать мировоззренческие системы под давлением обстоятельств и которые могут привести к серьезным изменениям изначальной доктрины, а в наиболее радикальном случае — и к ее краху. Если говорить об идеологиях, например, о том же марксизме, то мы легко это можем увидеть на многих примерах. Основатели марксизма, например, считали, что пролетарская, коммунистическая революция должна первоначально произойти одновременно в наиболее развитых странах. В одной из работ Ф. Энгельс четко перечисляет их: Англия, Америка, Франция и Германия [Энгельс, 1955, с. 329–330, 334]. Лидер российских радикальных марксистов В.И. Ленин для обоснования своего стремления захватить власть в собственной стране, не входившей в число высокоразвитых, видоизменил доктрину, включив в нее теорию «слабого звена» мирового империализма. Согласно ей, революция может первоначально произойти в России как стране, где наиболее велики противоречия, а оттуда распространиться на развитый мир. После 1917 г. в связи с тем, что этого распространения в реальности не произошло, сменивший В.И. Ленина И.В. Сталин для легитимации собственной власти выступил с теорией возможности построения социализма в одной стране. Китайские же коммунисты, действовавшие в еще более отсталой стране, где почти не было революционного класса — пролетариата, для обоснования своего захвата власти в ней замени-

ли его на крестьянство, а затем объявили, что находятся лишь на «начальном этапе строительства социализма», который будет длиться сто или более лет. В итоге учение о революции в развитых странах, результатом которой должно стать быстрое достижение коммунизма, уже подготовленного в рамках капитализма, превратилась в теорию революции в отсталой стране, которая привела лишь к более чем вековому переходному периоду. Такова сила интересов правящей группы и исторических обстоятельств.

Конечно, китайские коммунисты, догнав и перегнав развитые страны, через пару веков могут вспомнить о том, что пора им уже переходить к коммунизму. Но боюсь, что проверить это нам уже не удастся. Так или иначе, в СССР социализм потерпел крах, и произошло это и не в последнюю очередь потому, что официальная доктрина, говорившая о том, что социализм — общество более совершенное, чем капитализм, стала настолько противоречить действительности, что убедившиеся в этом после открытия границ при М.С. Горбачеве бывшие марксисты вообще ликвидировали всю доктрину, а вместе с ней и управлявшуюся с ее помощью страну. А ведущий критик марксизма А.А. Зиновьев так горестно воспринял исчезновение предмета своего анализа, что от его критики перешел к воспеванию.

Между тем эволюция мировоззрения людей, воспитанных на советском марксизме, стала темой моей оксфордской диссертации, а затем и первой научной книги. Она была посвящена не Китаю, а деятелям российского демократического движения периода перестройки, многие из которых поначалу были искренними официальными марксистами, однако по мере знакомства с новой информацией и фактами, полившись на них мощным потоком, переходили от официального брежневизма к ленинизму, и далее к Марксу, Гегелю, на котором основывался Маркс, а оттуда — уже к открытому антимарксизму [Лукин, 2005].

Однако процесс видоизменения мировоззрения касается не только идеологии и вообще политической сферы, но любой системы представлений, даже научных. В своей весьма примечательной работе «Структура научных революций» американский социолог Т. Кун ясно показал, что даже научные мировоззрения, которые он назвал «парадигмами», развиваются не по простой линии от простого к сложному, от ложного к истинному, а имеют тенденции к устойчивости и отторжению всего, что не укладывается в их рамки. Они меняются лишь постепенно и только тогда, когда давление новой информации, им противоречащей, становится уже слишком мощным. При этом процесс смены научных парадигм во многом также зависит от материальных, карьерных и прочих интересов различных групп их носителей, и меняться они могут в самых разных направлениях, то есть движение науки в каком-то одном направлении не предопределено [Кун, 2003].

Все это вполне сочетается с выводами С.Н. Гончарова. И кстати, общие идеи Т. Куна были основаны на ранее проведенном весьма убедительном кейс-стади, подобном исследованию Гончарова, но, конечно, сделанном на совершенно другом материале [Kuhn, 1957]. Думаю, что для китаеведов первый фундаментальный труд Сергея Николаевича должен играть не меньшую роль, чем исследование Т. Куна для мировой социологии. По крайней мере, для меня это так.

Крах СССР и Корейская война

После возвращения со стажировки я нечасто встречал Сергея Николаевича, возможно, только несколько раз в год, например, на тех же конференциях «Общество и государство в Китае». Он начал заниматься современными российско-китайскими отношениями в ИДВ, а я работал в посольстве в Пекине, а затем меня на некоторое закрутила политическая стихия перестройки. Но именно с этим временем связана одна интересная история, к которой, как потом оказалось, и он, и я имели некоторое отношение, причем он — гораздо большее. Речь идет о падении О.Б. Рахманина, все-сильного заместителя заведующего Отделом ЦК (так для конспирации называли Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, так как связей этих в теории быть было не должно, а отношения должны были развиваться на межгосударственном уровне). Рахманин был лидером группировки, которую в китаеведческих кругах того времени называли «китобоями», то есть тех, кто выступал против улучшения отношений с Китаем в связи с тем, что китайские реформы вели его к ревизии истинного марксизма и советской модели. Если раньше они критиковали маоистский Китай за левый уклон, то теперь призывали винить его за «правый». Пришедший же к власти в 1985 г. М.С. Горбачев также запланировал реформы, он интересовался китайским опытом и не спешил следовать советам этой группы. В марте 1986 г. Горбачев сменил заведующего Отделом К.В. Русакова на своего сторонника В.А. Медведева и, очевидно, поручил ему разобраться с этим вопросом. Медведев же, как видно из его воспоминаний, решил, что с Рахманиным каши не сварить, и искал предлог, чтобы его уволить. Но предлог должен был быть основательным, так как Рахманин проработал в Отделе десятки лет и имел в аппарате ЦК большое влияние.

Из воспоминаний В.А. Медведева видно, что ему не понравилась изданная незадолго до этого книга Рахманина о советско-китайских отношениях, из которой он сделал вывод, что «в понимании отношений между соцстранами и более общих вопросов мировой ситуации Рахманин был глубоко привержен простым, но безнадежно устаревшим стереотипам прошлого» [Медведев, 1994, с. 23]. Но этого, видимо, было мало. Тем не менее вскоре Рахманин был все же уволен.

Е.П. Бажанов — китаевед, работавший в то время под началом Рахманина в Отделе, но скрытно придерживавшийся совсем иных убеждений, который руководил моей стажировкой в пекинском посольстве и с которым у меня затем сохранились хорошие отношения, рассказывал мне потом, что важным, если не важнейшим, предлогом оказались записи бесед С.Н. Гончарова с тогдашним корреспондентом китайской газеты «Гуанмин жибао» в Москве Гао Фэнью. В этих записях, в частности, говорилось, что, по словам Гао Фэнью, в Пекине Рахманина и его наиболее влиятельного сторонника, заместителя министра иностранных дел СССР М.С. Капицу, считают «четвертым препятствием» на пути нормализации советско-китайских отношений (официальная китайская позиция заключалась в устранении «трех препятствий»: советской военной помощи Вьетнаму в его операции против «красных кхмеров» в Камбодже, размещения советских войск в Монголии и милитаризации советской границы с Китаем).

Позднее я рассказывал об этом С.Н. Гончарову, но тот не воспринял все это с большой серьезностью. Это и понятно, ведь никаких письменных доказательств этого факта не было. Были лишь сказанные мне слова Е.П. Бажанова, которые я мог не так понять, да и сам он мог что-то приукрасить или перепутать. Но гораздо позже в своих воспоминаниях, в окончательном виде опубликованных в 2017 г., Е.П. Бажанов написал об этой истории вполне определенно, не упомянув лишь прямо имени Сергея Николаевича:

«Наконец, в августе 1987 года Рахманина с работы сняли. Одновременно М.С. Капицу из МИДа перевели директором в Институт востоковедения АН СССР. Чащу терпения М.С. Горбачева переполнили высказывания московского корреспондента газеты “Гуанмин жибао”, о которых кто-то проинформировал Генерального. Корреспондент в беседе с советским научным работником сообщил, что Дэн Сяопину очень не нравятся некоторые заявления советских официальных лиц, расходящихся с официальной линией М.С. Горбачева. Особая неприязнь накопилась к М.С. Капице, который демонстрирует “пренебрежительное отношение” к КНР, вразрез с Горбачевым утверждает, что “все происходящее в Кампучии является необратимым”. Деятельность Капицы превратилась, мол, в “четвертое препятствие” в китайско-советских отношениях. Другие представители КНР в конфиденциальном порядке добавляли, что Рахманин — “еще большее препятствие”» [Бажанов, 2017, с. 141–142].

В недавней статье, опубликованной в журнале «Русское китаеведение», С.Н. Гончаров, комментируя этот отрывок, пишет следующее:

«Речь здесь, скорее всего, идет о следующем. По поручению руководства ИДВ в качестве заведующего сектором изучения и прогнозирования советско-китайских отношений я стал регулярно встречаться один на один с московским корреспондентом газеты “Гуанмин жибао” Гао Фэнъи — очень энергичным и умным человеком, прекрасно говорившим по-русски. Встречи эти подчас происходили в очень необычных местах — например в пустынных аллеях на задворках ЦПКиО. Гао Фэнъи сообщал мне чрезвычайно деликатную информацию, исходящую от высшего руководства КНР, прямо связанную с нормализацией двусторонних отношений. После бесед я по памяти делал их подробные записи и передавал их директору ИДВ М.Л. Титаренко, который направлял их руководству страны. Несколько раз Михаил Леонтьевич сообщал мне, что по этим докладам принимались серьезные решения на самом высшем уровне. После Москвы Гао Фэнъи стал корреспондентом “Гуанмин жибао” в Вашингтоне. Когда в середине 90-х годов я приступил к работе в российском Посольстве в Пекине, то не без удивления обнаружил, что Гао Фэнъи, после возвращения из США, занял должность помощника министра государственной безопасности КНР» [Гончаров, 2025, с. 155–156, сн. 9].

Таким образом, вырисовывается следующая вполне вероятная схема: С.Н. Гончаров, занимаясь российско-китайскими отношениями, проводил беседы с Гао Фэнъи, в которых их обсуждал, естественно, исходя из собственных взглядов. А был он со-

всем не «китобоем», а, по собственному признанию, сторонником другой группы, выступавшей за улучшение двусторонних отношений и изучение опыта китайских реформ. Составленные после бесед записи, в которых излагались в том числе неформальные предметы беспокойства китайской стороны, передавал директору ИДВ М.Л. Титаренко. Тот, несмотря на то, что ранее был подчиненным и единомышленником О.Б. Рахманина, вероятно, уже уловил новые веяния, и проявив гибкость, отправлял эти записи в Отдел ЦК. Там какой-то сторонник перемен, вероятно, передавал их, минуя Рахманина, скажем, Медведеву или его новому второму заму Г.Х. Шахназарову, который также выступал за новый курс. Это мог быть Бажанов или кто-то другой, но Бажанов в любом случае хорошо знал эту историю. В результате записи или какая-то выжимка из них попала М.С. Горбачеву и, что вполне вероятно, стала одной из последних капель в деле снятия О.Б. Рахманина и М.С. Капицы. Произнес ли в действительности китайский журналист фразу «четвертое препятствие» в отношении двух лидеров «китобоев», точно не известно. На мой взгляд, это маловероятно, так как китайский представитель вообще вряд ли стал бы ввязываться во внутривосточные аппаратные дрязги; в лучшем случае он мог бы говорить в общих чертах о некоторых позициях, которые в Пекине не одобряют. Скорее всего, это выражение вставил кто-то из русских «редакторов» материала, обрабатывавших его на пути к лидеру страны. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что по воспоминаниям Медведева, о О.Б. Рахманине как «четвертом препятствии» в то время в «международных кругах имела хождение шутка», то есть он не считал ее источником китайцев [Медведев, 1994, с. 24].

Падение О.Б. Рахманина в той ситуации, конечно, было неизбежно. Не было бы записей С.Н. Гончарова, нашли бы что-то еще. Но тот факт, что именно Сергей Николаевич вольно или невольно сыграл роль в этом немаловажном для двусторонних отношений событии, все же весьма показателен и по-своему справедлив. Это был его первый вклад в их восстановление и развитие, потом он сделал еще многое другое.

Однако деятельность Сергея Николаевича затронула не только Китай. Его второй важный труд, который я активно цитирую и популяризирую в лекциях, — это его книга о роли СССР и Китая в корейской войне «Непостоянные партнеры: Сталин, Мао и Корейская война» [Goncharov, Lewis, Xue, 1993], написанная во время стажировки в Стэнфордском университете совместно с сотрудниками этого университета Дж. Льюисом и Сюэ Литаем. Книга стала классической, так как в ней на основании многочисленных к тому времени рассекреченных документов, многие из которых были впервые введены в научный оборот, было показано, как именно началась война между севером и югом Кореи в 1950 г., кто ее начал, как северокорейский лидер Ким Ир Сен ездил за разрешением на наступление в Москву, а затем в Китай, о чем шли переговоры и чем они закончились. Конечно, всем нормальным людям и до этого было понятно, что война была начата Пхеньяном, несмотря на то что в СССР школьникам и студентам рассказывали, что дело было совсем наоборот. Но теперь это было показано документально, описана как официальная санкция Сталина, так и довольно вялое согласие Мао, к которому Ким поехал после посещения советского вождя. После публикации этой книги никаких принципиальных научных споров по этому вопросу уже быть не могло, возможны были лишь некоторые уточнения.

Были в книге и другие важные документальные находки. Например, на документах была подтверждена теория о том, что Сталин рассматривал Пекин как своеобразного заместителя Москвы (как центра мирового коммунизма) по Азии. Основываясь на документах, авторы сделали следующий вывод о взглядах Сталина: «Китайцы получают собственную сферу ответственности и влияния, но будут действовать под всеобъемлющим контролем Москвы так, чтобы не поставить под угрозу ее целей. Китайцев поощряли на более активные и агрессивные действия в Азии, но лишь до той степени, чтобы в них не оказалась замешана Москва» [Ibid, p. 72].

Граница и договор 2001 года

С 1992 г. Сергей Николаевич перешел на работу в МИД, причем, как он сам утверждает, по совету моего отца В.П. Лукина, который в то время занимал довольно влиятельную должность председателя комитета по международным делам Верховного Совета России. Честно говоря, я сам не знал об этом до того, как прочитал рецензию С.Н. Гончарова на мою книгу, где он об этом рассказал [Гончаров, 2025, с. 156]. Этот поворот был, конечно, не случаен, так как отец был одним из лидеров сторонников улучшения отношений с Китаем и считал, что разделявший его взгляды Сергей Николаевич сможет придать новый импульс движению в этом направлении. А сам Сергей Николаевич, видимо, также стремился ускорить дело развития отношений России с великим соседом и тем самым внести вклад в улучшение судьбы Родины. Я говорю это не шутя. Любой, когда-либо с ним встречавшийся, знает, что в нем присутствует какое-то искреннее мощное стремление сделать что-то хорошее для науки (найти научную истину), для общества, для своей страны, вплоть до своего учреждения. Последним он, как я с удивлением обнаружил, кроме, конечно, дипломатической деятельности, активно занимался на посту советника-посланника российского посольства в Пекине. Здесь он показал себя далеко не кабинетным ученым. Раздобыв финансирование у каких-то российских компаний, он активно занялся восстановлением парка, старых могил времен Русской духовной миссии, которая существовала в этом месте до посольства, ремонтом мостиков и фонтана перед главным зданием, так что оставил он посольство в гораздо лучшем состоянии, чем оно было до него. Я отлично помню, как я как-то раз заехал в Пекин и пришел к нему в гости в посольство, он водил меня по благоустроенной территории и с гордостью рассказывал об этих изменениях.

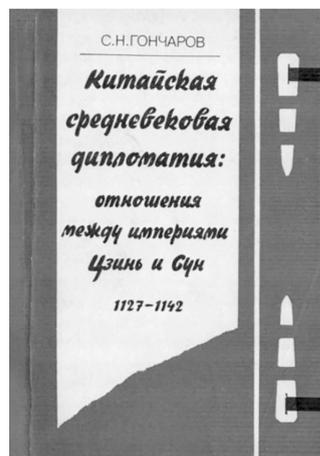
Конечно, у этого желания сделать что-то хорошее сразу во многих областях есть и обратная сторона. Мы потеряли крупнейшего специалиста по древней и средневековой китайской истории. Я всегда занимался современностью, и мне именно занятия

древностью всегда только и казались серьезным делом. Ведь рассуждать о двусторонних отношениях и облагораживать территорию посольства, честно говоря, может гораздо большее количество людей, чем, скажем, изучать документы по истории государств Цзинь и Южная Сун. Конечно, другой будет это делать не так основательно и эффективно, как Сергей Николаевич, но все же это легче. Для занятий древней и средневековой китайской историей нужен такой человек, как Сергей Николаевич. А это очень штучный товар. Но тут уж ничего не поделаешь: масштабы личности вели его в разных направлениях.

Кстати советником-посланником посольства в Пекине Сергей Николаевич поехал прямо в процессе ведения переговоров о подписании Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с Китаем. Договор был подписан в 2001 г., на каждом этапе переговоров по нему он принимал самое активное участие. Этому процессу посвящена его интереснейшая статья, опубликованная в 2019 г. [Гончаров, Чжоу, 2019, с. 619–651].

Базовому российско-китайскому договору, действующему и сегодня, спустя более 20 лет после его подписания, посвящены сотни более или менее бравурных страниц, которые пишут десятки людей, особенно в его круглые годовщины. Статья же, написанная С.Н. Гончаровым совместно с китайским дипломатом Чжоу Ли, участвовавшим в разработке текста договора с другой стороны, коренным образом отличается от всех прочих. Первоначально написанная на китайском языке, а затем переведенная на русский (для С.Н. это не являлось проблемой)¹, она читается как захватывающий детектив и в то же время пособие по реальной дипломатии: в ней подробнейшим образом излагается работа каждой из сторон над отдельными формулировками, стремление соблюсти национальные интересы, компромиссы и пути достижения окончательного консенсуса. При этом не без элементов психологического анализа рисуются личности тех, кто работал над договором, их позиции и, что самое важное, рост взаимного доверия в процессе совместной российско-китайской работы. Я всегда рекомендую эту статью своим студентам и давал бы ее читать всем, кто изучает дипломатию или хотел бы изучать ее, как пример реальной дипломатической деятельности двух влиятельных мировых держав.

Другая важнейшая статья С.Н. Гончарова, написанная несколько раньше вместе с Ли Даньхуэй, которая в то время работала профессором Пекинского университета, — также пример глубокого дипломатического анализа. Она посвящена опровержению мифа, широко распространенного в СССР, где он поддерживался официально, да и в некоторых кругах и в сегодняшней России, о якобы предъявлявшихся КНР

¹ В несколько отредактированном виде она была перепечатана под заголовком «Фундамент для отношений. О переговорах по российско-китайскому Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» в год 20-летия договора в журнале «Россия в глобальной политике» (№ 4, июль-август 2021, с. 138–152).

территориальных претензиях к СССР. В статье, фактически закрывшей данный вопрос, на конкретных документах показано, что даже знаменитое заявление Мао Цзэдуна, сделанное 10 июля 1964 г. во время беседы с делегацией японской соцпартии, в действительности нельзя квалифицировать как выдвижение официальных претензий, так как оно не содержало прямого призыва к возврату каких-либо территорий, а впоследствии было разъяснено китайским вождем в том плане, что он ничего такого не имел в виду. При этом вывод этот делается не на пустом месте, а на основе анализа полной стенограммы беседы и последующих заявлений Мао, впервые переведенных на русский язык [Гончаров, Ли, 2004, с. 44–52].

Говоря о 2001 году, нельзя не упомянуть о нашей встрече в Пекине в знаменательную дату 11 сентября. Свое нахождение в китайской столице в этот день я уже описывал довольно подробно [Лукин, 2024, с. 832–833]. Тогда моего отца, занимавшего пост заместителя председателя Госдумы, пригласили в Пекин на довольно престижную конференцию под названием «Китай и мир в XXI веке». Организовавшее его Китайское народное общество по изучению внешней политики, фактически подчиняющееся МИД, решило устроить мероприятие с размахом. От Китая выступал Цянь Цичэнь, член Госсовета, курировавший внешнюю политику. Среди приглашенных были бывшие и действующие политики: бывший помощник президента США Дж. Картера по национальной безопасности З. Бжезинский, бывший канцлер ФРГ Г. Коль, бывший председатель Еврокомиссии Ж. Сантер, бывший ген-

сек ООН Б. Гали, бывший премьер-министр Японии Т. Кайфу и другие. Китайская сторона принимала всех с женами, детьми и помощниками. Предполагалось на рубеже веков заявить о новой роли растущего Китая в мировом развитии и получить одобрение влиятельных мировых фигур. Но события пошли по другому сценарию.

Конференция началась 10 сентября, и на второй ее день вечером мы с братом пошли в номер родителей, чтобы за бутылкой шампанского, которую радушные хозяева выдавали им каждый день, обсудить намеченную на следующий день, 12 сентября, встречу с премьером Госсовета Ли Пэном в Доме народных собраний. Встреча была специфической, на нее пригласили всю нашу семью, Ли Пэн также должен был быть с супругой, что означало особое радушие, так сказать, встречу по-семейному. Ждали также и Сергея Николаевича, который тоже должен был участвовать в завтрашней встрече от посольства. В тот момент он был временным поверенным в делах, так как посол И.А. Рогачев по каким-то делам, кажется, поехал в Россию.

В номере фоново работал телевизор, и я обратил внимание на какой-то детектив с падением самолетов на центр Нью-Йорка, который при ближайшем рассмотрении оказался не детективом, а самой настоящей реальностью. Как вспоминал сам Сергей Николаевич, он пришел как раз ко второму самолету и смотрел все это действо вместе с нами. Мы стали гадать, отменят ли встречу и что на ней нужно говорить, и решили действовать по обстоятельствам. Дальнейшее описано в книге самого С.Н. Гончарова о Ли Пэне [Гончаров, 2024, с. 294]. Встреча состоялась и Ли Пэн активно обсуждал события, спрашивал мнение отца и призывал по-новому подойти к вопросам безопасности.

Наука и практика

В дальнейшем Сергей Николаевич продолжил практическую деятельность. Завершив свое пребывание в посольстве, он ушел с дипломатической работы, на которой, в частности, занимался вопросами энергетического сотрудничества и возглавил открытое в 2006 г. представительство Роснефти в Пекине, которое занималось проектами не только в Китае, но и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Он сыграл значительную роль в развитии этого ключевого направления российско-китайского сотрудничества, в частности в переговорах о строительстве первого российского нефтепровода в Китай. Затем некоторое время работал представителем в Китае другого российского экономического гиганта — «Русала». При этом не забывал и о научной и педагогической работе, преподавал в китайских университетах, выпустил сборник своих работ [Гончаров, 2006], а также уникальный труд о российско-китайском военно-техническом сотрудничестве [Гончаров, 2013].

При этом все его работы, несмотря на разнообразие тем и периодов, обладали общими чертами, которые характерны для настоящих научных трудов. Они основаны на огромном количестве первоисточников и литературы, в основном на китайском языке, на котором Сергей Николаевич свободно читает и пишет. Самые значительные источники он сам переводит на русский язык и публикует в приложениях или в основном тексте своих работ, иногда даже несколько увлекаясь цитатами и различными пояснениями. Большинство его трудов основано на личном опыте работы в Китае и с Китаем. Это связано с его уникальной чертой: он способен установить дружеские отношения с китайцами из любых слоев общества — от таксиста до вице-премьера, и все они в итоге становятся для него добровольными источниками познаний об этой стране. Вероятно, это связано с его искренней и радушной готовностью разъяснить и им всем, что они хотят знать о России, а также с тем, что для них (как и, например, для меня), благодаря своим внешним и внутренним качествам, он представляется каким-то типичным и весьма колоритным представителем русского народа.

Как-то я заходил к нему в гости в Пекине. Жил он, конечно, неплохо, в доме, довольно далеко от шумного центра, в огороженном и ухоженном компаунде. Мы некоторое время посидели за столом, как и принято, но самым интересным стало посещение второго этажа, где располагался его кабинет. Здесь все было по-научному: полки ломились от книг, в основном китайских, на столе лежали раскрытые фолианты с какими-то

подчеркнутыми строчками, валялись листы напечатанного текста, а хозяин, естественно, как и положено в кругу ученых-китаеведов, с сильным волнением говорил о судьбе Китая, родины и мира. И я подумал, что для этого человека главное именно это, а не внешние атрибуты жизни, а значит, он молод душой и, несмотря на свои годы, еще порадует нас многими интересными трудами.

Так и случилось. Через какое-то время в период пандемии он засобирался в Россию, где хотел полностью вернуться к научной деятельности. Еще даже не возвратившись, он согласился прочесть несколько лекций онлайн в рамках моего курса для аспирантов по проблемам востоковедения. И наши аспиранты получили блестящий рассказ об истории китайских реформ начиная с Дэн Сяопина до сегодняшнего дня, причем от человека, бывшего их свидетелем и одновременно глубоко их изучавшего. Не знаю, как аспиранты, а я слушал эти лекции с огромным интересом и узнал из них много нового. Главный пафос его выступлений сводился к тому, что успех китайских реформ был не predetermined и шли они совсем не гладко, как это иногда считается, но сталкиваясь с многочисленными проблемами и ошибочными решениями, которые китайским лидерам все же удавалось решать и исправлять. Такое объективное, но благожелательное отношение к Китаю он пронес через долгие годы.

Я, конечно, захотел заполучить такого серьезного ученого к нам в Высшую школу экономики, и договорился о том, чтобы его приняли профессором в Школу востоковедения нашего факультета мировой экономики и мировой политики. Но отнеслись к нему не как к уникальному специалисту, а как обычному преподавателю, загружая преподавательскими «часами» и требуя многочисленной сложной отчетности. В результате через некоторое время он перешел на работу в отдел Китая Института востоковедения РАН, где смог сконцентрироваться на научной работе и издании статей и книг, чем с успехом и занимается до сих пор.

Заключение

Сергей Николаевич, безусловно, человек выдающийся. Это совершенно не значит, что я с ним во всем согласен. На мой вкус, иногда он слишком увлекается сиюминутными вопросами и, как бы не в полной мере используя свои уникальные возможности, пишет о том, о чем могли бы написать и другие. Кроме того, как человек, хорошо знакомый с китайской классикой, он склонен несколько преувеличивать ее значение в жизни современных китайцев, считает их всех последователями Конфуция, которого некоторые из них даже и не читали.

Но все это не так важно. Есть люди, специалисты, которые могут увлекаться, что-то преувеличивать, чего-то недооценивать. Но они стоят настолько выше среднего уровня, что их работы нет смысла рассматривать с точки зрения верности или неверности. Точнее, оценивать и даже критиковать, конечно, можно, но все же все их идеи заслуживают быть обнародованными, так как их дискурс стоит как бы выше простого понятия верного и неверного, он сам является частью культуры. Да и, как сказал недавний римский папа, кто я такой, чтобы судить. Поэтому, как только мы основали журнал «Российское китаеведение», я сразу сказал Сергею Николаевичу: пиши что хочешь и сколько хо-

чешь, мы все опубликуем. Мы можем, конечно, в порядке дискуссии, опубликовать и критику работ С.Н. Гончарова, но самого его никак ограничивать не будем, ведь он — живой классик китаеведения.

Так что, дорогой Сергей Николаевич, примите наши искренние поздравления и работайте дальше, долго и плодотворно на благо родины и науки!

Библиографический список

Лукин А.В. Артему Игоревичу Кобзеву 70 лет! // А. В. Лукин. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024). М.: ИКСА РАН, 2024.

Маргынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1975.

Гончаров С.Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: Наука, 1986.

Лукин А. В. Идеология китайского национализма в работах Дай Цзитао о Японии // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 3. М.: Наука, 1986.

Зиновьев А.А. О социальном статусе марксизма // А.А. Зиновьев. Без иллюзий. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 25–33.

Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Азбука, 2014. С. 59–63.

Дикарев А.Д., Лукин А.В. Три путешествия по Китаю. М.: Молодая гвардия, 1989.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

Лукин А.В. Невежество против несправедливости. Политическая культура российских демократов (1985–1991). М.: Науч. книга, 2005.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

Медведев В.А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М.: Международные отношения, 1994.

Бажанов Е. П. Миг и вечность. История одной жизни и наблюдения за жизнью всего человечества. Т. 5, ч. 7: «Разбитые мечты». М.: Дашков и Ко, 2017.

Гончаров С.Н. Тернистый путь к познанию неизбежного будущего // Российское китаеведение. 2025. №1(10).

Гончаров С.Н., Чжоу Ли. О формировании текста российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Общество и государство в Китае. XLIX конф. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2019.

Гончаров С.Н., Чжоу Ли. Фундамент для отношений // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 138–152.

Гончаров С.Н., Ли Даньхуэй. О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» // Россия и АТР. 2004. №4.

Лукин А.В. Китаеведы-практики в моей жизни // А. В. Лукин. Россия и Китай в меняющемся мире: статьи и переводы (2015–2024). М.: ИКСА РАН, 2024.

Гончаров С.Н. Премьер Ли Пэн и Тяньваньская атомная электростанция. М.: ИВ РАН, 2024.

Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном. Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006.

Гончаров С.Н. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века. М.: ИВ РАН, 2013.

References

- Bazhanov E.P. (2017). *Mig i vechnost'. Istoriya odnoi zhizni i nablyudeniya za zhizn'yu vsego chelovechestva*. T. 5, ch. 7: "Razbitye mechty" [A Moment and Eternity. The Story of One Life and Observations of the Whole of Humanity. Vol. 5, Pt. 7: "Shattered Dreams"]. Moscow, Dashkov i Ko. (In Russian).
- Dikarev A.D., Lukin A.V. (1989). *Tri puteshestviya po Kitayu* [Three Journeys Through China]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Engels F. (1955). *Printsiipy kommunizma* [Principles of Communism]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya*. T. 4 [Collected Works. Vol. 4]. Moscow, Gospolitizdat. (In Russian).
- Goncharov S.N. (1986). *Kitayskaya srednevekovaya diplomatiya: otnosheniya mezhdru imperiyami Tszin' i Sun, 1127–1142* [Medieval Chinese Diplomacy: Relations Between the Jin and Song Empires, 1127–1142]. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2006). *O Kitae srednevekovom i sovremennom. Zapiski raznykh let* [On Medieval and Modern China. Notes from Different Years]. Novosibirsk, Nauka. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2013). *Zametki o voenno-tekhnicheskome sotrudnichestve Kitaya s SSSR i Rossiyey vo vtoroy polovine XX veka* [Notes on China's Military-Technical Cooperation with the USSR and Russia in the Second Half of the 20th Century]. Moscow, IV RAN. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2024). *Prem'er Li Pen i Tyanyvanskaya atomnaya elektrostantsiya* [Premier Li Peng and the Tianwan Nuclear Power Plant]. Moscow, IV RAN. (In Russian).
- Goncharov S.N. (2025). *Ternisty put' k poznaniyu neizbezhnogo budushchego* [The Thorny Path to Understanding the Inevitable Future]. *Rossiyskoye kitaevedenie* [Russian Synology]. No. 1(10). (In Russian).
- Goncharov S.N., Li Danhui (2004). *O "territorial'nykh pretenziyakh" i "neravnopravnykh dogovorakh"* [On "Territorial Claims" and "Unequal Treaties"]. *Rossiya i ATR*. No. 4. (In Russian).
- Goncharov S.N., Zhou Li (2019). *O formirovaniy teksta rossiysko-kitayskogo Dogovora o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve* [On the Drafting of the Russian-Chinese Treaty of Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation]. In: *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae. XLIX konf. Ch. 1* [Society and State in China. 49th Conf. Pt. 1]. Moscow, IV RAN. (In Russian).
- Goncharov S.N., Zhou Li (2021). *Fundament dlya otnosheniy* [The Foundation for Relations]. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in Global Affairs]. No. 4. P. 138–152. (In Russian).
- Kuhn T. (2003). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST. (In Russian).
- Lukin A.V. (1986). *Ideologiya kitayskogo natsionalizma v rabotakh Day Tszytao o Yaponii* [The Ideology of Chinese Nationalism in Dai Jitao's Works on Japan]. In: *XVII nauchnaya konferentsiya "Obschestvo i gosudarstvo v Kitae". Tezisy dokladov. Ch. 3* [17th Scientific Conference "Society and State in China." Abstracts. Pt. 3]. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Lukin A.V. (2005). *Nevezhestvo protiv nespravedlivosti. Politicheskaya kul'tura rossiyskikh demokratov (1985–1991)* [Ignorance Versus Injustice. The Political Culture of Russian Democrats (1985–1991)]. Moscow, Nauchnaya kniga. (In Russian).
- Lukin A.V. (2024). *Artemu Igorevichu Kobzevu 70 let!* [Artyom Kobzev Turns 70!]. In: *A.V. Lukin. Rossiya i Kitay v menyayushchemsya mire: stat'i i perevody (2015–2024)* [Russia and China in a Changing World: Articles and Translations (2015–2024)]. Moscow, IKSA RAN. (In Russian).
- Lukin A.V. (2024). *Kitaevedy-praktiki v moyey zhizni* [China Specialists in My Life]. In: *A.V. Lukin. Rossiya i Kitay v menyayushchemsya mire: stat'i i perevody (2015–2024)* [Russia and China in a Changing World: Articles and Translations (2015–2024)]. Moscow, IKSA RAN. (In Russian).
- Mamardashvili M.K. (2014). *Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii* [An Essay on Modern European Philosophy]. Moscow, Azbuka. P. 59–63. (In Russian).
- Martynov A.S. (1975). *Status Tibeta v XVII–XVIII vv. v traditsionnoy kitayskoy sisteme politicheskikh predstavleniy* [The Status of Tibet in the 17th–18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Thought]. Moscow, Nauka. (In Russian).
- Medvedev V.A. (1994). *Raspad. Kak on nazreval v "mirovoy sisteme sotsializma"* [Collapse: How It Ripened in the "World Socialist System"]. Moscow, *Mezhdunarodnye otnosheniya*. (In Russian).

Zinov'ev A.A. (1979). O sotsial'nom statuse marksizma [On the Social Status of Marxism]. In: A.A. Zinov'ev. Bez illuziy [Without Illusions]. Lausanne, L'Age d'Homme. P. 25–33. (In Russian).

* * *

Deng Liqun 邓力群 (1986). Fang ri gui lai de si suo 访日归来的思索 [Reflections after Visiting Japan]. Jing ji guan li 经济管理. No. 3. P. 7–14. (In Chinese).

Goncharov Sergei N., John W. Lewis, and Xue Litai (1993). Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford, CA: Stanford University Press. 412 p.

Kuhn Thomas S. (1957). The Copernican Revolution. Cambridge: Harvard University Press. 320 p.

Поступила в редакцию: 10.05.2025. Received: 10 May 2025.

Принята к публикации: 20.05.2025. Accepted: 20 May 2025.